

гому и «ненасытимым состраданием», «понимающим состраданием» (К. Исупов), своим бесконечным терпением и самопожертвованием, благодаря твердой и глубокой вере в Бога («*Что ж бы я без Бога-то была?*») сначала спасает Катерину Ивановну и ее детей от голодной смерти, а затем на каторге становится «покровительницей и помощницей, утешительницей и заступницей всего острога»⁹⁸ и помогает **воскресению** «*отошедшего от Бога*» и «*преданного дьяволу*» несчастного **Раскольников**а, воскресению для «*новой жизни*» и «*великого, будущего подвига*».

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Николай Стариков. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2015. — 416 с.: ил.

Политик и писатель Николай Стариков обнаруживает невероятное количество странных поступков государств, политиков, правительств и партий, поступков, сконцентрированных на малом отрезке времени: февраль—октябрь 1917 года. В поисках истинных мотивов и целей всех этих «странностей» он выходит на «английский след»: в отречении Николая II от престола, в деятельности Временного правительства, в организации приезда Ленина и Троцкого в революционный Петроград и даже в требовании Ленина взять власть к определенному сроку («Завтра будет поздно»). Русскую революцию и все последовавшие за ней события, считает Н. Стариков, старательно направляли и взращивали спецслужбы Антанты, опирающиеся на силы внутри России. Главный злодей и верный союзник англичан — Керенский. Это под его руководством Временное правительство за короткий срок, сознательно создавая в стране хаос, разрушило все, что можно: армию, судебную и правоохранительную системы, местное управление, экономику. Это он нанес последний удар по армии, когда объявил мятежником генерала Корнилова, выступившего для наведения порядка в стране с его же согласия. И в октябре был не переворот, а спектакль, разыгранный Керенским с целью передачи власти Ленину и Троцкому, которым согласно «союзному» плану разрушения России предстояло окончательно добивать зашатавшуюся Российскую империю. Никто с Лениным всерьез не боролся. Наоборот, Керенский активно ему подыгрывал. Цели и мотивы обозначены. Великобритания хотела вывести из войны своего старого геополитического соперника, Россию, побежденной, разрушенной, чтобы не отдавать Босфор и Дарданеллы, по договору отходившие после победы союзников России, а победа эта, уверен Н. Стариков, была близка. Как это ни странно звучит, пишет Н. Стариков, но именно улучшение, а не ухудшение военной ситуации привело к февральскому перевороту! Именно англичане и провоцировали начавшиеся без видимых причин тайственные забастовки и волнения в Петрограде, действуя по знакомым нам сценариям «оранжевой революции». И Февраль победил потому, что власть не стала его подавлять, а вовсе не потому, что так велико было стремление народных масс к свободе. Была и сугубо внутренняя причина, заставлявшая торопиться со свержением русского императора: в ноябре 1917 года истек срок полномочий Государственной думы IV созыва, и вкусившие власти думские деятели, антигосударственные депутаты боялись остаться без трибуны, славы и перспектив. У одних были благие на-

⁹⁸ Касаткина Т. А. Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 70.

мерения, у других — чистая корысть. Стариков называет главных виновников трагических событий в России: Великобритания и США, в меньшей степени — Франция, но основная тяжесть вины падает все-таки на русского императора и элиту русского общества. И именно предательское поведение русской элиты помогло плану «союзников» воплотиться в жизнь. В своей работе автор опирается на известные мемуары и абсолютно открытые источники, где находит огромное количество намеков, ссылок, наблюдений. Домысливает сцены встреч немецких разведчиков с британскими коллегами, большое значение придает датам, хронологии событий. Дьявол в деталях, а они выразительны. Н. Стариков исследует «темные страницы» русской революции: убийство Распутина, единственного, кто мог предотвратить отречение царя, приезд Ленина в Петроград с помощью английских властей, попустительство, проявленное в отношении большевиков Временным правительством. И загадочное поведение Ленина, для которого сговор с союзниками по Антанте, развал страны и выход ее из войны, уничтожение легитимной власти — мизерная плата за воплощение мечты всей его жизни: социалистической революции. Версия Старикова сильно расходится с канонической советской версией истории революции 1917 года. И она очень яркая: сплетение интересов, сговоры, клубки страстей, персонажи русской истории и их «скелеты из шкафа». «Никто и никогда не планировал революцию как четкую последовательность математически выверенных поступков различных людей или группировок. Но это не значит, что планов устроить внутренний взрыв в России и тем самым „убрать“ геополитического конкурента не существовало», — пишет Н. Стариков. Были десятки тысяч факторов, которые сложились несчастливо для России: «именно ТАКОЙ царь во главе страны, это именно ТАКОЕ окружение царя, это горстка безмерно талантливых циников и подонков из революционных партий, это везение одних и фатальное невезение других. Это преступная тупость и подлое предательство, непозволительная вера и ораторский талант. Наша революция — это все вместе». А за всем этим он видит и титанический труд разведчиков чужой державы, их долгую и кропотливую работу, ежедневную и ежечасную... И не раз проводит параллели с днем сегодняшним.

Николай Лебедев. Октябрьский детектив. К 100-летию революции.

М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — 288 с.

И все-таки — заговор, и не один. Февральский переворот как сговор англосаксов, франкмасонов, международных банкирских кругов и примкнувших к ним ведущих российских политиков. Одними двигали давние геополитические интересы. Другие, как Львов, скандалист и интриган Гучков, глаза и уши Антанты Милюков, шелкопер-адвокатишка Керенский, жаждали, чтобы в России установился «республиканский строй», во главе которого встали бы они, члены масонской ложи «Великий Восток Русского Народа», действующие под эгидой находившейся под негласным протекторатом Великобритании масонской ложи «Великий Восток Франции». Заговорщицкий триумvirат с целью добиться отречения Николая II от престола составили посол Великобритании Бьюкенен, посол Франции Палеолог и бывший министр иностранных дел России Сазонов. Весь ход событий, в том числе ситуация в стране и на фронтах, факторы и лица, на складывание этих ситуаций влиявшие, деятельность Временного правительства, дается в деталях. Октябрь, Октябрьский переворот — неожиданное. По утверждению Николая Лебедева, решающую роль в организации и проведении октябрьского переворота сыграли генералы Генерального штаба и присоединившееся к ним офицерство и патриотически настроен-

ная группа большевиков во главе со Сталиным, Красиным, Кржижановским, Кировым, Бонч-Бруевичем. Военные (их имена и чины названы) саботировали решения Временного правительства, отдавали распоряжения по ранее разработанному ими плану, не дали Керенскому снимать войска с фронта для поддержки Временного правительства, не дали вывести из столицы заряженные большевизмом петроградские полки, в канун октябрьских событий провели в Петроград флотилию кораблей из Кронштадта. Именно военные с апреля 1917 года финансировали большевиков, на что пошли секретные фонды русской военной разведки, а также личные средства ряда генералов высшего командного состава русской армии. (Имея таких спонсоров, нужны ли были большевикам «немецкие деньги» и международный прохиндей Парвус? — задает риторический вопрос автор.) У военных имелись веские мотивы: они были глубоко уязвлены царем, покинувшим свой боевой пост в самую трудную для страны минуту, а также новой либеральной властью, которая начала свою деятельность с разрушения армии, этой основы русской государственности (приказ № 1) и самой государственности. Союзников военные нашли среди большевиков: связи между ними установились еще в 1916 году, когда по инициативе генерала Маниковского на оборонных предприятиях создавались фабрично-заводские комитеты (ФЗК), призванные остановить злоупотребления и хищения и сломить сопротивление промышленников. Маниковский прибег к помощи большевиков, а конкретно — Сталина. К концу марта 1917 года ФЗК были узаконены, между работниками в лице ФЗК и владельцами предприятий началось массовое подписание соглашений о сотрудничестве, вместе с тем лавинообразно стали расти авторитет и численность партии большевиков и Сталина. Тесные связи генералов и Сталина во время двоевластия помогали Сталину выбрать «верный курс» поведения. Сталин предстает в книге и как главный организатор октябрьских событий, впоследствии отодвинутый европейским «десантом», троцкистами, от работы в центральных органах власти. А в Гражданскую войну открылись его таланты полководца. Ох, лукав вопрос в фильме «Чапаев»: ты за кого, Василий Иванович, за большевиков или за коммунистов? По версии Н. Лебедева, крестьяне одобряли сторонников Сталина, «большевиков-националистов», и враждебно относились к «коммунистам-интернационалистам», то есть троцкистам. Автор выходит за пределы собственно «Октябрьского детектива» и того, что ему предшествовало: у него свой взгляд на Гражданскую войну, на умалчиваемый историками заговор военных в ноябре 1927 года, на террор времен Ежова и на дело Тухачевского, Якира, Уборевича, Примакова. Он считает, что именно «план поражения» этой группы привел к поражениям в начале Великой Отечественной войны. Интересны приложения. Записка военного агента русской армии полковника А. Нечволодова (1864—1938), писателя, историка и экономиста, собиравшего в Западной Европе осенью 1906 года данные о современном состоянии франкмасонства и участии масонов в русской революции. Меморандум генерала А. Маниковского (1865—1920), выяснявшего в 1915 году причину «снарядного голода» в русской армии, фактически саботаж поставок: отсутствие снарядов на линии огня, в то время как в тылу склады были ими забиты. Заявление М. Фриновского (1898—1940), высокопоставленного деятеля советских органов госбезопасности, одного из ближайших сотрудников Ежова и главного организатора Большого террора. Секретный отчет С. Буденного К. Ворошилову о личных впечатлениях о заседании Верховного суда СССР по процессу Якира, Тухачевского, Уборевича и других от 11 июня 1937 года, выступления обвиняемых, их заключительные слова. В книге есть ссылки и на воспоминания отца автора, генерала В. Лебедева (1901—1979), непосредственного участника революционных событий в Петрограде и Москве в октябре—ноябре 1917 года.

Владимир Идзинский. Движущие силы и сущность Великой российской революции. Тель-Авив: Э.РА, 2017. — 180 с.

В стороне — геополитика, конфликты интересов держав, декларации и лозунги партий. Февральское восстание как стихийное возмущение и неповиновение властям народных масс Петрограда, вызванное острым экономическим и политическим кризисом царского режима в ходе Первой мировой войны. Октябрь как военный переворот, организованный опирающимися на Советы большевиками. И никакой социалистической революции. Катастрофу 1917 года выходец из России, а ныне израильский публицист Владимир Идзинский рассматривает прежде всего как закономерный результат многолетнего конфликта двух разных культур, сосуществовавших одновременно в дореволюционной России: русско-европейской и русско-московской. Причины ее он обнаруживает в глубинных основах жизни русского общества, его ценностях и традициях. Раскол в российском обществе, возникший после реформ Петра I, отрыв высших сословий от корней, их «европеизация» — прописная истина, переходящая из учебника в учебник, из одной исторической работы в другую. Для русских интеллектуалов после Октября 1917 года вопрос этот был особенно острым: в разрыве культур они видели одну из причин краха своей России, в значительной степени именно на их работы и опирается автор. Оригинальность концепции, предложенной автором, заключается в том, что конфликт двух культур — это не только особенность царской России после Петра I, но следствие перманентного раскола общества и стабильной противоречивости культуры на всех этапах существования Руси, России. Эта специфика российской истории неоднократно приводила страну к катастрофам: установление татаро-монгольского ига, Смута, события 1917—1922 годов. С точки зрения автора, глубинная причина катастроф в том, что в незапамятные времена, в IX веке, свободное развитие населения Великой равнины было остановлено, и начался долгий путь «под колпаком», навязанным пришлым элементом государственности, скандинавами, чье культурное развитие превосходило по уровню славянские и финские племена на целые века. Не знавшие письменности язычники легко принимали форму государственности, но их родовой быт, родовая психология оставались для них господствующими. Русское общество и государство никогда не развивались естественным путем, а получали достижения различных цивилизаций (византийской, татаро-монгольской и западноевропейской) насильственно, когда еще не были готовы принять и освоить достижения этих цивилизаций. И не монголо-татарское нашествие погубило Русь, а ассимиляция господствующего класса — варягов, а отсюда и варваризация общества, упадок нравственных и государственных устоев, и неготовность удержать старую государственность, и тем более создать свою собственную. И только при татаро-монгольском иге сформировались великорусские народность и государственность. Автор подробно рассматривает все этапы истории России, и всегда одно и то же: в критические моменты побеждает стихийная, загнанная внутрь в IX веке родовая сущность, и чтобы преодолеть раскол в обществе, изгоняется все чуждое, привнесенное, в первую очередь европейское, наносится удар огромной архаической части России по европеизированному меньшинству. Так было и в Смутное время, когда на смену боровшимся за ограничение монархии и свои права боярам шли худородные дворяне. И в 1917—1922 годах, когда физически уничтожали европеизированную элиту. И в советское время, при особой форме добуржуазного общества с ярко выраженными азиатскими, архаическими чертами, когда Сталин добывал последних носителей европейского сознания, троцкистов. И даже во время

перестройки XX века, когда подавляющее большинство российского населения не приняло эволюционный путь развития и Россия вернулась на свою старую колею к авторитарной системе правления. Вечная проблема: неготовность общества к реформам, торжество добуржуазного российского общества, как следует из дальнейшего текста и доньше не вышедшего из архаического состояния. Кто в этом виноват? Конечно, географическое положение между Европой и Азией обязывает. «Но ранее и более всех виноват во всем народ: в конечном счете все определяли культурный, политический и этический уровень большинства населения страны и ментальность российского человека». А что события 1917 года? Можно обвинить во всем Сталина, всех большевиков во главе с Лениным. А еще Временное правительство, и еще раньше — царя и его министров. Но в основе всего конфликт культур, в результате которого европеизированная Россия была сметена с исторической сцены. Хроника событий изложена верно. В сухом остатке теоретических построений: несомненно предательство элит, какими бы радетелями России они не представлялись в изображении автора; несомненно банкротство европеизированного Временного правительства с его «благими намерениями», а на деле способствовавшего разрушению государственности России; несомненно, что большевиков поддержало большинство, которому были обещаны мир, хлеб и земля. Есть и «открытие»: Ленин, оказывается, хотел захватить власть. И множество противоречий, и искаженная, недостоверная историческая картина, и полное игнорирование общих тенденций мирового развития. Ну да, не думал русский удельный князь о благе общественном и о государственных интересах народа! А западноевропейский феодал думал? Да не убивал Иван Грозный своего сына, разве что в фантазиях немца-опричника Штадена да на картине Репина. И зачем против неевропеизированной советской власти бунтовали такие же неевропеизированные, долженствующие приветствовать путь от раскола к единообразию жители Ярославля, крестьяне Тамбовщины, моряки Кронштадта?

Александр Резник. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 382 с.: ил. — (Эпоха войн и революций; вып. 10).

Историк Александр Резник досконально исследует один из самых напряженных этапов борьбы, развернувшейся на рубеже 1923–1924 годов в РКП(б), до сих пор не рассматривавшийся как отдельный, значимый в истории нашей страны период. Левая оппозиция начала оформляться в условиях социально-экономических и политических противоречий и конфликтов, когда Ленин был уже болен и не способен поддерживать систему «коллективного руководства» и блюсти «единство» своим авторитетом. Острота конфликта стала особенно явной после его смерти в январе 1924 года. Линия борьбы проходила между Сталиным, Каменевым, Зиновьевым, имевшими большинство в ЦК, и Троцким и его сторонниками. Одним из катализаторов процесса стало «Заявление 46» о внутрипартийном режиме: «Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим, он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно дает осечки в моменты кризисов и который грозит оказаться совершенно несамостоятельным перед лицом надвигающихся серьезных событий». ЦК обвинялся в неэффективности и бюрократизации. Оппозиционеры требовали демократии, а не сильной руки. Письмо неле-

гально распространялось среди доверенных партийцев, последовали коллективные заявления оппозиционеров и индивидуальные обращения. ЦК ответил резолюцией «о партийном строительстве», где торжественно провозглашалась преданность партийного руководства внутрипартийной демократии и так же торжественно осуждался бюрократизм в партии. Оппозицию обвинили в том, что она нарушает или угрожает нарушить единство партии. Изначально не только лидеры оппозиции, но и рядовые ее сторонники в ячейках отмечали, что «многие не знают, что такое демократия». В массах иногда значение слова «демократ» разъяснялось как «бюрократы не у дел». Подробно рассматриваются вопросы, что такое оппозиция, почему она возникла, ее программные документы, где и почему была сильна, из кого состояла, была ли единой, почему проиграла, а также позиции, поведение, взгляды, действия конкретных людей, связанных между собой дружескими отношениями со времен совместной работы в подполье и на фронтах Гражданской войны. С точки зрения автора, оппозиция не была «антипартийной», она точно так же хотела единства в партии, но при этом защищала право на критику. Большое внимание уделяется личности и позиции Троцкого, его значимости для левой оппозиции, которую, по мнению автора, «троцкистской» называют необоснованно. Но самое главное: внутрипартийную борьбу в РКП(б) в 1923–1924 годах чаще всего принято рассматривать как борьбу верхушечную, а ведь в нее были вовлечены и рядовые члены партии, и А. Резник реконструирует многообразие, многоголосие оппозиции. Разлад в верхах не был секретом для низовых организаций, и Резник пишет о том, как реагировали на происходящее, на слухи и «секретные документы» в Москве и Петрограде, в провинции, на предприятиях, в профсоюзах, госучреждениях, в армии, в вузах, как вели себя участники событий. Восстановить картину поведения «верхов» и «низов» ему помогают архивные документы партийных организаций всех уровней, партийная печать, личные архивы участников событий, мелкая россыпь документов, многие из которых введены автором в научный оборот впервые. Особое внимание посвящено технологиям политической борьбы за общественное мнение, за большинство голосов: организация предвыборных кампаний; перевыборы в бюро ячеек и выбор делегатов на конференцию, когда оппозицию старались исключить из представительства; использование слухов и конфликтов; приемы подачи информации в «Правде» с целью убеждения читателей в ничтожном уровне поддержки оппозиции. А также создание и поддержание эмоционального фона, который можно определить одним словом — «страстный». Забавно, но многие приемы используются и сегодня. В итоге победа осталась за ЦК: итоги голосований большинства партийных организаций и конференций были не в пользу оппозиции. И проиграли оппозиционеры по вполне конкретным правилам политической игры, пусть и не всегда честным. Рассматривая историю оппозиции в широком смысле, как историю политической культуры большевистской партии и как историю политики на переломном этапе развития советской истории, автор дает возможность иначе посмотреть на привычные сюжеты «борьбы за власть» между Троцким и Сталиным. Многообразие внутрипартийной жизни в 1920-е годы, разнообразие политические и культурные контексты, множественность иногда локальных и малозаметных смыслов, но имевших значение для «больших» процессов, доказывают, что история и политика не исчерпываются борьбой элит. А в конечном итоге именно итоги внутрипартийной борьбы 1923–1924 годов явились первым шагом к превращению Советской России из революционной республики с огромным потенциалом рабочей демократии в государство, управляемое партийно-бюрократической элитой.

П. А. Столыпин / Сост., вступ. ст., коммент. : И. Л. Архипов. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2017. — 608 с.: ил. — (Серия: «Государственные деятели России глазами современников»).

Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911), министр внутренних дел, председатель Совета министров Российской империи в 1906—1911 годах, оказался на вершине власти в сложнейший исторический момент, в условиях острого противостояния власти и общества, непрекращающихся революционных выступлений и начинающихся преобразований. Он сыграл значительную роль в подавлении революции 1905—1907 годов и верил, что начатые им реформы, в первую очередь аграрная, обеспечат России надежное будущее. Оценка деятельности Столыпина как его современниками, так и историками полярная. Одни выделяют только негативные моменты, другие, напротив, считают его выдающимся реформатором и русским патриотом, который мог бы спасти Россию от грядущих войн, поражений и революций. В советской историографии Столыпин однозначно оценивался критически, оно и понятно, сам Ленин называл его «главой контрреволюции». Личность Столыпина и по сей день вызывает споры. Кто он? Реформатор или реакционер? Вешатель или патриот? Губитель России или ее спаситель? Тем не менее канонические фразы Столыпина: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»; «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» — из уст современных политических деятелей звучат постоянно. В этой книге собраны фрагменты воспоминаний, многие из них являются библиографической редкостью или известны только специалистам-историкам. Игорь Архипов, историк и журналист, делал выбор в пользу воспоминаний людей, которые пытались объективно передать свои впечатления от общения со Столыпиным. Это государственные деятели, работавшие вместе с П. Столыпиным в структурах исполнительной власти, видные представители общественности и политической элиты, в том числе депутаты Государственной думы, журналисты, которым доводилось соприкасаться со Столыпиным. Среди авторов воспоминаний восторженные почитатели и сподвижники премьера: лидер партии «Союз 17 октября» А. Гучков, разработчик важнейших проектов преобразований в России, ближайший сотрудник Столыпина С. Крыжановский, министр иностранных дел в 1906—1910 годах А. Извольский. А также непримиримые оппоненты: предшественник Столыпина на руководящих должностях С. Витте и лидер кадетской партии, видный либерал П. Милюков. Включены фрагменты воспоминаний В. Гурко и В. Коковцева, работавших в правительствах И. Горемыкина и П. Столыпина; журналистов А. Тырковой, С. Окрейца, П. Тверского; начальника петербургского охранного отделения в 1905—1909 годах А. Герасимова и киевского губернатора (1908—1912) А. Гирса. Оживляющую фигуру государственного деятеля струю привносят его письма жене, записки его старшей дочери Марии фон Бок, сына Аркадия. Книга читается как исторический роман со стремительным напряженным сюжетом, выразительными персонажами, столкновением идей и человеческих страстей. Центральное место в ней, конечно, занимает яркая и многогранная личность П. Столыпина. Из личных черт характера современниками особенно выделено его бесстрашие. Он пережил десять покушений и скончался после одиннадцатого, совершенного в Киеве Д. Богровым. В обширном предисловии к книге ее составитель И. Архипов подробно пишет о драматичной и парадоксальной политической судьбе П. Сто-

лыпина и о связанных с его именем реформах. Попытки Столыпина стабилизировать ситуацию не удалось, сконструированная им политическая система создала для власти ощущение относительного комфорта, стабильности, а реальные проблемы — социальные, политические, экономические — загонялись вглубь. Последние мирные годы в Российской империи были бездарно растрачены. «Роковые события 1914 года втянули Россию в мировую войну и, как следствие, подтолкнули к новой революции и краху государственности. Внезапные „великие потрясения“ оказались непосильным испытанием для страны с огромным „историческим наследием“ проблем, которые власть так и не смогла вовремя разрешить с помощью запаздывающих и половинчатых уступок. И, к сожалению, власть упустила и последний шанс переломить эту тенденцию — не сумев полноценно и последовательно осуществить программу столыпинских реформ». В комментариях даны необходимые уточнения, информация об авторах и упоминаемых деятелях. Мемуарные свидетельства тех, кто действительно являлся активным участником государственной и общественно-политической жизни России начала XX столетия, дают представление не только о самом премьер-министре и реформаторе, но и о роковой для России эпохе русской Смуты 1905–1907 годов, когда империя оказалась на краю гибели, а Столыпин пытался ее спасти.

Сергей Аверинцев. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами.

СПб.: Алетей, 2017. — 168 с.

Вячеслав Иванович Иванов (1866, Москва — 1949, Рим) — один из крупнейших представителей русского символизма, его теоретик и идеолог дионисийства, и последний символист, переживший эпоху Серебряного века на десятилетия. Один из столпов той культуры, что ушла из России после Октября 1917 года. В литературную жизнь он вступил почти сорокалетним, а до того около двадцати лет жил за границей, где изучал древнюю историю у великого Т. Моммзена, древние и новые языки. В 1905 году переехал в Петербург, возможно, в «предчувствии необычайных, катастрофических событий, которые дадут русской истории совсем новый толчок», «в город... где, казалось, были сплетены роковые узлы времени». На несколько лет его квартира на Таврической улице, «башня», где проходили знаменитые «среды», стала сосредоточием культурной жизни столицы. О падении русской монархии Вяч. Иванов, никогда, как и большинство людей его круга, самодержавию не сочувствовавший, не имел причин сожалеть. Но и не находил, в отличие от своих символистских собратьев Блока и Белого, реальность Октября сколько-нибудь для себя вдохновляющей. «Большевизм был для Вячеслава Иванова, безусловно, прискорбным одичанием, эпидемией „буйственной слепоты, одержимости и беспамятства“». Попытки Иванова ужиться с советским режимом не удалось, В 1924 году он выехал за границу, в Италию. Замечательный филолог Сергей Аверинцев, четверть века изучавший творчество Вяч. Иванова, прослеживает длинный путь поэта — и в историческом времени, и в пространстве духовных поисков, элегантно уклоняясь от сплетен и слухов, которые были оборотной стороной внешней славы поэта, «Вячеслава Великолепного». Исследователя интересуют житейские метаморфозы, интеллектуальные «блуждания», творческая лаборатория поэта. Житейские метаморфозы — это выход из долгого уединения, отъединенности от всех, из «подполья» в «мир», когда Вяч. Иванов стал виртуозом общения, собеседником par excellence, а после отъезда из Советской России в Рим намеренно избегал эмигрантских сообществ. Интеллектуальные «блуждания» — это философские иска-

ния поэта, юношеская увлеченность революционным героизмом, оттенки либерализма, со временем ставшая низменной славянофильская компонента, религиозные воззрения, неверие и принципиальное принятие христианской веры, переход в католичество (1926 год). В контексте реконструированной им биографии Иванова С. Аверинцев анализирует стихи поэта: их смыслы и специфику поэтического мастерства — замкнутую систему символов, языковые эксперименты, использование словесного материала, ритмическую организацию. Как криптограмму жизни Вяч. Иванова рассматривает автор символические вехи жизни Владаря, героя прозаической «Повести о Светомире царевиче», которая с 1928 года стала главным литературным занятием поэта. При том, что творчество Вяч. Иванова эволюционировало и развивалось, С. Аверинцев отмечает, что все же при сравнении с другими авторами поражает редкая стабильность тем и творческих установок Иванова. На страницах книги присутствуют Блок, Андрей Белый, М. Кузмин, философы В. Соловьев, Бердяев. Сопоставляются и принципиальные позиции поэтов, и самая главная, наверное, оценка октябрьских событий 1917 года. «Ответ Вячеслава Иванова на Октябрь семнадцатого года вносит в разногласия русской поэзии совсем особую ноту. Прежде всего, это очень взрослый голос, голос человека, для которого история началась не сегодня и даже не вчера. Его отрешенное спокойствие не похоже ни на восторги Блока и Андрея Белого, ни на проклятия Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус или Ивана Бунина. Характерен поэтический отклик на строки Г. И. Чулкова: „Ведь вместе мы сжигали дом, // Где жили предки наши чинно...“, относящийся к 1919 году: „Да, сей костер мы поджигали, // И совесть правду говорит, // Хотя предчувствия не лгали, // Что сердце наше в нем сгорит“». Это стихотворение С. Аверинцев прочитывает как признание Вяч. Ивановым вины культуры, к которой он принадлежал и которая давно тайно и явно жила разрушением традиционной нормы, давая бессознательный приказ грубой силе на разрушение европейско-христианской России, за что и получила заслуженное наказание. Уехав за границу, Вяч. Иванов сумел избежать как революционной, так и контрреволюционной групповщины, сохраняя эмоциональную дистанцию и отрешенное спокойствие тона по отношению к свершившейся катастрофе. Современность была значима для него лишь внутри связи веков и тысячелетий, внутри всецелого и вселенского, в соотношении с Галилеей и Иерусалимом, с Афинами и Римом, античностью и средневековьем. «Повсюду гость и чужанин, // И с музой века безземелен, // Скворещниц вольных граждан, // Беспочвенно я запределен». Он всегда «дышал большим временем».

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)